

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД СОВРЕМЕННЫМ СОСТОЯНИЕМ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Кира Рогова

Санкт-Петербургский государственный университет

Резюме. Статията представя кратък преглед на онези области на изследване, към които е насочено вниманието на съвременното руско езикознание, съсредоточено на семантично-функционалния подход към съвременните езикови факти – в областта на лексиката, синтаксиса, теорията на текста, лингвокултурологията, сферите извън границите на литературно - националния език, езика на интернет и теорията на общуването, а също така взаимодействието между лингвистиката и литературознанието. Прави се извод за обща насоченост към изследване на езика като най-важна област на човешката дейност.

Keywords: semantic and functional approach, Lexical semantics, Structural grammar, text, Linguistics and Cultural Studies, Internet language and Communication Theory, standard and national language

Научное изучение русского языка ведётся сегодня интенсивно, вписываясь в своих основных направлениях в мировое движение лингвистических исследований в сторону анализа функционирования языка с опорой на семантику и с учётом языкового состояния современного общества. Журнал „Мир русского слова“, который является органом РОПРЯЛ (Российского общества преподавателей русского языка и литературы), статьи, которые в него поступают как из России, так и из других стран, активно участвуют в этом процессе, отражая, а может быть, и внося свой вклад в некоторое целостное представление о том, как сегодня меняется характер языковедческой науки, сближая её с практическими потребностями обучения языку – родному и иностранному, переводческой деятельности. Характерно, что сами лингвисты отмечают традиционную устойчивость для русского языкознания сочетания теории и практики, вспоминая „В. В. Виноградова с его „Историей слов“ (1999), словарно-грамматические труды Н. Ю. Шведовой, работы Мельчука“ (Рахилина, Плунгян, 2011: 555). К этому перечню можно добавить имена Г. А. Золотовой, Ю. Н. Караулова, В. Н. Телия, Д. Н. Шмельёва и др., результаты исследований которых легли в основу создания не только новых словарей, но и пособий

для обучения русскому языку. Отметим разработку концепции обучения грамматике на текстовой основе автора „Коммуникативной грамматики русского языка“ Г. А. Золотовой (Жуковская, Золотова, Леонова, Мотина, 1984), использование теории языковой личности Ю. Н. Караулова (Караулов, 2010) в обосновании компетентностных подходов в методике.

Уже с 50-х годов прошлого века, начиная с дискуссии, посвящённой проблемам стилистики, в советском языкознании, как и за рубежом, в центр изучения перемещаются семантика с отделившейся от неё позднее прагматикой – дисциплины, обращённые к установлению связей языка с действительностью и личностями коммуникантов, с логической и аксиологической сторонами актов мышления.

Семантика затронула все уровни языковой системы. Лексическая семантика как самостоятельная дисциплина принципиально изменила по сравнению с лексикологией поле и методы исследований, включив изучение значений слова в общую систему описания языка, который должен „обеспечивать объяснение языковой способности человека“ [Кобозева, 2000: 73]. Подход со стороны семантики значительно расширил сферу представления парадигматических и синтагматических отношений между словами: предметом изучения и описания стали семантические поля (частные системы, внутри которых слова связаны отношениями взаимного противопоставления), для которых характерны коррелятивные отношения, включающие не только синонимию и антонимию, но и гипонимию (родо-видовые отношения, за членами которых установлены названия гиперонимы и гипонимы), отношения части и целого, конверсивность, корреляцию семантической производности и нек. др. Выдвижение собственных категорий, их терминологизация заявили о становлении лексической семантики как новой дисциплины, которая активно разрабатывает свои методы анализа, в чём одно из ведущих мест принадлежит Московской семантической школе.

Развитие лексической семантики, расширение представлений о значении слова непосредственно связаны с лексикографией. За последние годы созданы новые типы словарей, прежде всего семантических. Алфавитный порядок подачи материала (формальный принцип) заменён распределением слов по выражаемым ими значениям. Одним из первых таких словарей стал Русский семантический словарь под общей редакцией Н. Ю. Шведовой (Русский семантический словарь, 1998). Первичной единицей описания в нём является значение слова; значения сгруппированы по лексико-семантическим классам слов и их отдельным участкам (ок. 300 000 лексических единиц – значений слов и фразеологизмов). Этот ряд пополняется работами екатеринбургских лингвистов.

Важной проблемой лексикографии с учётом данных лексической семантики становится разработка структуры словарной статьи. Сегодня она далеко выходит за пределы привычных сведений традиционных толковых словарей, отражая общую установку такого семантического подхода к слову, который

представил бы его потенциал как единицы связной речи. По-своему образцовым здесь стал Новый объяснительный словарь синонимов под общей редакцией Ю. Д. Апресяна (Апресян, 2003). Он характеризуется как словарь „активного типа, согласованный с определённым грамматическим описанием русского языка,... ориентированный на отражение языковой или „наивной“ картины мира“. В словаре описываются семантические, референциальные, прагматические, коннотативные, коммуникативные, синтаксические, сочетаемостные, морфологические и просодические сходства и различия между синонимами“, вводятся фразеологические синонимы, конверсивы, антонимы и дериваты.

Мы прибегли к столь подробному представлению словаря для того, чтобы ещё раз напомнить приведённое выше определение лексической семантики как дисциплины, ориентированной на изучение значения слова в его многообразном функционировании¹⁾. Не случайно словарь адресуется широкому кругу специалистов и людям, которые по профессии связаны с русским языком и которые смогут воспользоваться им и как источником сведений по теоретической семантике, и как орудием своей работы.

Наличие регулярных классов и правил, которые наблюдаются и описываются лексической семантикой, говорит в пользу существования лексики как системы. Однако огромное число исключений всё-таки и при означенном подходе оставляют её общую системность недоказанной.

Не исключается, однако, что изучение значений слова с учётом его использования в базовых синтаксических конструкциях, которых меньше, чем слов, так что они более обозримы, если и не позволит систематизировать лексическое пространство языка, то по крайней мере сделает понятным, почему, приспособиваясь к использованию в подобных конструкциях, лексический материал „не делится на жёсткие классы“²⁾.

Есть ещё одна актуальная проблема, связанная с типологическими исследованиями в лексике – проблема существования „универсального лексического набора, состоящего из универсальных лексических значений“, Эта проблема возникла по аналогии с грамматикой, где возникло „понятие универсального грамматического набора как набора универсальных грамматических значений, реализацией определённого подмножества которого является грамматическая система каждого языка“ (Рахилина, Плунгян, 2011). Для выявления такого набора ведутся сопоставительные исследования значений слов разных языков на базе типовых ситуаций их употребления (результаты работы см. в указ. ст. Рахилина, Плунгян), что должно ответить на многие онтологические вопросы. Полученный здесь материал может использоваться в переводческой деятельности как в контактном, так и машинном вариантах.

Отмеченная выше согласованность изучения лексической семантики с определённым грамматическим описанием русского языка связывает лексичес-

кую семантику с таким актуальным направлением лингвистических исследований, как Грамматика конструкций (СхG), где конструкция понимается как „двусторонняя языковая единица,... которая не может быть получена непосредственно из составляющих её единиц с помощью композиционных (аддитивных) правил“ (Рахилина, Плунгян, 2011: 548). Близкое по значению понимание конструкции было характерно и для русского языкознания, где уже в 60-е годы проводились исследования, свидетельствующие о семантической синтаксиса и о необходимости рассматривать его единицы не только в плане того, из чего они состоят (например, традиционное: способ выражения подлежащего, сказуемого и т.д.), но и в аспекте их целостного устройства, значения и функционирования. Русской грамматике (1980), представившей основные модели русского синтаксиса с их типовым значением, предшествовали семантически ориентированные работы Н. Ю. Шведовой (Шведова, 1966), Е. А. Иванчиковой (Иванчикова, 1968: 277–299), Н. Д. Арутюновой (Арутюнова, 1976), В. А. Звегинцева (Звегинцев, 1976) и др. В них предложение обрело смысл (Арутюнова, Звегинцев); изменения в структуре словосочетаний рассматривались в связи с процессами, значимыми в области когнитологии: аналогии, контаминации, продуктивности аналитических связей, отмечалось вовлечение предложенческих связей в сферу связей слов (Шведова); было выделено явление парцелляции как коммуникативного преобразования структурно-семантической основы предложения (Иванчикова). На расстоянии прошедших лет видна проявленная в этих работах преобразующая сила мысли, которая была вызвана новыми явлениями в самом языке. Она вела к развитию собственно семантических, когнитивных, прагматико-коммуникативных исследований, направленных на понимание и повышение эффективности языковой способности человека.

В русле новых исследований возникла и „Теория функциональной грамматики“ под общей редакцией А. В. Бондарко (1987), которая обратилась к рассмотрению „в единой системе средств, относящихся к разным языковым уровням, но объединённых на основе общности их семантических функций“ (с.6), что позволило объединить их в функционально семантические поля (ФСП), ставшие основной единицей анализа. ФСП, с одной стороны, относится к парадигматическому аспекту языковой системы, с другой – связано с процессами речевой деятельности. В основу выделения поля были положены категориальные значения предложения и его членов. Так в перечислении ФСП, ставших предметом рассмотрения, поля аспектуальности, темпоральности, модальности, бытийности и персональности очевидно соотносятся с составляющими категории предикативности, остальные ФСП обнаруживают связь с компонентами предложения: субъектность, объектность, качественность, количественность, компаративность, посессивность, а также локативность, комплекс полей обусловленности (причины, цели, уступки, следствия).

Таким образом, предложение в представлении своих составляющих (ФСР) получило в этом исследовании детальное лексико-морфологическое описание. В настоящее время создателем этого труда – А. В. Бондарко, в качестве одного из главных направлений исследования рассматривается вопрос о соотношении выделенных категорий высказывания, например, временная локализованность, персональность и т.п. с типами текста, где им принадлежит текстообразующая роль.

Возвращаясь к проблеме целостного, „конструктивного“ представления предложения, являющегося единицей общения, укажем на то, что упоминавшаяся выше Грамматика-80 составила своего рода словарь моделей русского предложения (более 80-ти), отметив обобщённое значение каждой модели и её коммуникативные варианты. В этом случае, как и по отношению к лексике, стал вопрос о семантических связях этих моделей и их возможных группировках на базе выделения обобщённых значений. В какой-то мере на этот вопрос отвечает ряд вошедших в обиход классификаций. Так Г. А. Золотова выделяет пять основных типов семантических моделей предложения с опорой на семантические типы предикатов и их субъектные и предикатные модификациями (Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004: 110), Н. Д. Арутюновой и Е. Н. Ширяева (Арутюнова, Ширяев, 1983) предлагаются четыре основных типа, выделенных на логических основаниях; У А. Мустайоки (Мустайоки, 2006), в монографии которого рассматривается широкий круг русских и западных концепций, связанных с представлением семантической структуры предложения (см.с.113–145) таких моделей 12. Основой выделения этих ядерных структур служит произведённая предварительно классификация предикатов и актантов. Однако они группируются „не непосредственно на основе классификации предикатов, а на основе их близости с точки зрения функций в речи“. „Очевидно – продолжает автор, – такой подход отражает в какой-то мере и то, как различные средства выражения разных смыслов распределены в сознании человека“ (с.203). Здесь выделены физическое действие и деятельность, передвижение и локация, социальное действие и деятельность, интеллектуальная деятельность, существование, обладание, эмоции, физиологическое и физическое состояние, состояние окружающей среды, характеристика и идентификация. А. Мустайоки отмечает возможность использовать его классификацию в практике обучения языку, прежде всего – как иностранному. Отметим, что предложенная классификация действительно коррелирует с тем тематическим текстовым материалом, который входит в практику обучения как обеспечивающий реальные потребности обучаемых в разных сферах общения.

Это последнее положение принципиально важно для осознания актуальности изучения текста с позиций лингвистики. Будучи сложным – и струк-

турно и семантически – образованием, текст стал предметом изучения ещё позже семантики³⁾. Его значение для изучения функционирования языковых единиц всех уровней ни у кого не вызывает сомнения. Так же как и роль того окружения, контекста, который выявляет особенности функционирования. Типовые контексты, „за которыми встаёт особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счёте особый мир“, получили название дискурса (Степанов, 1995: 44). И если „Каждый дискурс – это один из возможных миров“ (там же, с.45), то он требует особого лингвокультурологического исследования, так как является носителем сложившейся в нём культуры.

Всё сказанное о тексте не снимает проблемы изучения текста как особого феномена с собственной структурой, своими единицами членения, категориями, которые представляют явления, интегрируемые в смысл текста и определяющие отбор и организацию передающих этот смысл языковых средств. Изучение текста как целого, представляя большие трудности именно в силу задействованности в нём единиц всех уровней языковой системы, продвигается медленнее, чем можно было бы ожидать, хотя и представлено в работах и учебных пособиях таких исследователей, как Л. Г. Бабенко (Бабенко, Казарин, 2003–2009), Н. С. Болотнова (Болотнова, 1992), Н. С. Валгина (Валгина, 2003), Прохоров Ю. Е. (Прохоров, 2004), Г. Я. Солганик (Солганик, 2001), В.Чернявская (Чернявская, 2009), Т. В. Шмелёва (Шмелёва, 2006) и др.

Очевидно, что исследование текста как целого должно двигаться не в индуктивном направлении, поскольку выделение языковых доминант не имеет сколько-нибудь разработанной методики, а в дедуктивном: от текстообразующих категорий к средствам их языкового выражения. Такая попытка была предпринята в учебно-научном пособии „Текст: теоретические основания и принципы анализа“ (СПб., 2011), в котором авторы, основываясь на категориях текста, выдвинутых Р.-А. Богрантом и В. Дресслером, и соотнеся их со структурой языкового акта: адресант (целеполагание, целостность, связность) – текст (информативность) – адресат (восприимчивость, ситуативность, интертекстуальность), сделали попытку представить наиболее значимые из средств их языкового выражения, стремясь представить способы сложения содержания и смысла текста.

Наблюдение над воплощением таких категорий, как информативность, восприимчивость, интертекстуальность при изучении текста, исследование многомерности и гибкости семантики значения слова оказались непосредственно связанными с развитием лингвокультурологии. Первоначально отвечающие на запрос преподавания русского языка как иностранного, лингвострановедение и лингвокультурология были заявлены в пособии В. Г. Костомарова и Е. М. Верещагина „Язык и культура“. Выдержавшее много изданий, постоянно дополняемое, оно превратилось в фундаментальную монографию, в которой авторы

подытожили свои разыскания протяжённостью без малого в сорок лет, изложив лингвистическое понимание соотношения языка и культуры, обозначив возможность проникновения через язык, тексты в национальную культуру и специфику семантики языка (Верещагин, Костомаров, 2005). Сама идея взаимодействия языка и культуры начала быстро развиваться, воплотившись в лингвокультурологические работы известных исследователей В.В. Воробьёва, Е. И. Зиновьевой, В. В. Красных, Ю. Е. Прохорова, В. Телия, В. М. Шаклеина, Е. Е. Юркова и др.

Работа с текстом, наблюдение над использованием в нём средств национального языка, находящихся за пределами языка литературного, сделала актуальной для изучения проблемы соотношения этих двух стихий, продолжающих сосуществовать даже при наличии такого „выравнивающего“ и объединяющего начала, как язык средств массовой информации (СМИ). Напомним, что сформировавшись в конце XVIII – начале XIX века благодаря авторитету русских классиков и А. С. Пушкина, русский литературный язык фиксируется в словарях и грамматике, став фактором национальной культуры. Сохранение его – ответственность носителей языка, так как серьёзные изменения в нём грозили бы потерей того интеллектуального богатства, которое благодаря ему накоплено и передаётся из поколения в поколение художественной и научной литературой. Однако параллельно с литературным языком в обществе существуют и иные типы национальных речевых культур: просторечие, диалекты, жаргоны, арг. Их присутствием отмечено существование того типа художественной литературы, который пронизан „голосами среды, характерологическими средствами (Гоголь, Лесков, частично Достоевский, Зошенко и др.)“ (Левин, 1995).

Изучение этой сферы национального языка только начинается. Во многом благодаря Н. И. Толстому, в работах которого явления, часто понимаемые как стилистические различия, стали осмысливаться как проявления подвидов национального языка, порождаемых культурными потребностями разных слоёв населения. Н. И. Толстой предложил культурную стратификацию населения, говорящего на русском языке, которая сделала ясными мотивы и причины различий в его языковом существовании (Толстой, 1995). В поле зрения первых исследователей внелитературной сферы языка попали отличительные особенности, связанные с речевым бытом, складом ума, иными культурными, психологическими установками явными и неявными моделями сознания и поведения (Шалина, 2009). Сглаживанию „антагонистических противоречий“ между литературным языком и внелитературными языковыми средствами способствует сегодня как художественная литература, традиционно использующая просторечие, жаргон, арг в качестве характерологического средства, так и язык СМИ в том случае, когда эти средства используются не в речи журналиста, а также для характеристики персонажа или в качестве

средства экспрессии в соответствующих ситуациях общения. Таким образом, важной для осознания проблем культуры речи является практически зарождающееся изучение внелитературных сфер национального языка, из которых ранее внимание уделялось лишь территориальным диалектам.

Проблема соотношения устной и письменной речи, тоже имеющая недолгую историю изучения (первая монография „Русская разговорная речь“ вышла в 1973, если не считать „Очерков по синтаксису русской разговорной речи“ Н. Ю. Шведовой 1960 г.) и продолжается, находя новую область изучения – язык Интернета. Характеризуясь, с одной стороны, спонтанностью, с другой – письменной фиксацией и будучи связанным со сферой повседневного общения, он ставит перед исследователем задачи поиска как методов исследования, так и релевантного толкования самого явления в рамках теории общения.

Перед этой областью исследований стоит и такая задача, как наблюдение над изменением характера передаваемых сведений. Современное общество перегружено избыточной информацией, и результаты этого сказываются как на её содержании, так и на деятельности коммуникантов. Позволим себе привести цитату из публицистического выступления исследователя этой проблемы, отмечающего тот факт, что из-за нехватки времени и ограниченного объёма человеческого сознания „Передаётся не сама идея, а мысль о ценности этой идеи. То есть послание в корне меняется. Я заинтересован передавать идею, а вместо этого генерирую и посылаю сообщение о ценности моей идеи. Меняется моя „профессия“ как источника информации. И „реципиенты“ читают большую часть времени не самую содержательную информацию, а многочисленные рекламы, аннотации и заголовки – то есть подвергаются уговорам прочесть нечто, но на само чтение времени уже нет“ (Фрумкин, 2012).

И наконец, ещё один актуальный вопрос, касающийся отношений языка и литературы. Традиционно разделение филологии на две самостоятельные ветви: лингвистику и литературоведение, у которых есть свои задачи и которые преследуют разные цели исследования. Тем не менее благодаря усилиям таких филологов, как В.В. Виноградов, Б. А. Ларин, Г. О. Винокур, Е. В. Падучева, В. З. Демьянков, К. А. Рогова и др., стремящихся к их сближению, существуют работы, в которых рассмотрение языковых средств органично включается в интерпретацию художественного смысла. Такие исследования представляются важными и для процесса обучения в школе и вузе, где учащиеся, по данным опросов, не удовлетворены преподаванием русского языка, формализованного, оторванного от литературы. Есть основания предполагать, что это направление будет развиваться, о чём свидетельствует активное обсуждение такой тенденции в развитии гуманитарных наук, как антропологический поворот, который ориентирован на конкретного человека, на его „речь в процессе ее непосредственного развертывания (или, говоря языком М. М. Бахтина, в диалогическом измерении) и читательское восприятие текс-

та искусства“, с учётом того, что „личность в тексте реализуется через слово“ (Поселягин, 2012).

Разумеется, в столь кратком обзоре невозможно охватить не только все, но даже и представляющиеся основными направления исследований, однако то, что оказалось возможным представить, позволяет увидеть широту рассматриваемых проблем, их общую устремлённость к исследованию языка как важнейшей области человеческой деятельности, на повышение эффективности которой направлены усилия современных филологов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Значение слова, писал Л. Витгенштейн в своих Философских исследованиях, – есть способ его употребления в языке.
2. Об этом говорят авторы уже неоднократно цитировавшейся статьи „Апресян как теоретик Грамматики конструкций“ – Е. В. Рахилина и В. А. Плунгян (с. 555).
3. Первые монографии И.Р. Гальперина „Текст как объект лингвистического исследования“ и О. И. Москальской „Грамматика текста“ вышли в 1981 году.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. (1983). Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М.
- Арутюнова Н. Д. (1976). Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., Наука.
- Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. (2003–2009). Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М., 1–7 изд.
- Болотнова Н. С. (1992). Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск.
- Валгина Н. С. (2003). Теория текста. М.
- Верещагин Е. М., Костомаров В.Г. (2005). Язык и культура. М.: „Индрик“
- Звегинцев В. А. (1976). Предложение в его отношении к языку и речи. М.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. (2004). Коммуникативная грамматика русского языка. М., С.110 и сл.
- Иванчикова Е. А. (1968). Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции. Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 277–299.
- Караулов Ю. Н. (2010). Русский язык и языковая личность. Изд. 7-ое, М.
- Кобозева И. М. (2000). Лингвистическая семантика. М., С. 73
- Левин В. (1995). Проза начала века. История русской литературы: XX

- век: Серебряный век. Под ред. Жоржа Нива. М.
- Мустайоки А. (2006). Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М.
- Поселягин Н. (2012). Антропологический поворот в российских гуманитарных науках. Новое литературное обозрение, № 113, 2012. Там же 12 отзывов на эту статью.
- Прохоров Ю. Е. (2004). Действительность. Текст. Дискурс. М., „Флинта“
- Рахилина Е. В., Плунгян В. А. Ю. Д. (2011). *Апресян как теоретик грамматических конструкций*. Слово и язык: Сборник статей к восьмидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 555.
- Рахилина Е. В., Плунгян В. А. (2011). Апресян как теоретик... 548.
- Рахилина Е. В., Плунгян В. А. (2011). О лексико-семантической типологии. <http://aquamotion.narod.ru/3-Rakhilina-Plungian.pdf>
- Русский семантический словарь. (1998). Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник. Апресян Ю. Д. (ред.) (2003). Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. „Языки славянских культур“.
- Степанов Ю.С. (1995). Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности. Язык и наука конца 20 века. Под ред акад. Ю. С. Степанова. М. 44.
- Солганик Г. Я. (2001). Стилистика текста. М.
- Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. (1987). Таксис. Л.: „Наука“.
- Текст: теоретические основания и принципы анализа (2011). Под ред. К. А. Роговой. СПб.: „Златоуст“.
- Толстой Н. И. (1995). Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.
- Учебник русского языка для студентов-иностранцев естественных и технических специальностей. I–II курсы. Практическая грамматика. (1984). Авт.: Жуковская Е. Е., Золотова Г. А., Леонова Э. Н., Мотина Е. И. М.: Рус. яз.
- Фрумкин К. (2012). Цивилизации нужен другой человек. „Знамя“, 2012, № 6.
- Чернявская В. Е. (2009). Лингвистика текста. Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.
- Шведова Н. Ю. (1966). Активные процессы в современном русском синтаксисе. Словосочетание. М.
- Шмелёва Т. В. (2006). Текст как объект грамматического анализа. Уч.-метод. пособие. Красноярск.

Шалина И. В. (2009). Уральское городское просторечие: культурные сценарии. Екатеринбург.

OVERVIEW OF THE CONTEMPORARY CONDITION OF LINGUISTIC RESEARCHES

Abstract. The article is a brief overview of the areas of research, which the modern Russian linguistics is focused on. The emphasis is on the semantic and functional approach towards language facts in the fields of Lexicology, Syntax, Theory of text, Linguistics and Cultural Studies, the field of cross-boundary standard and national language, Internet language and Communication Theory and the interaction between Linguistics and the History of modern literature. A conclusion is made that there is a tendency towards researching language as the most important aspect of human activity.

Kira Rogova

✉ Saint Petersburg State University
7-9, Universitetskaya nab.,
St.Petersburg, 199034, Russia
E-mail: mirs@ropryal.ru